

Был в 1990 году с Асватуром Барсеговичем Джиликяном, работавшим тогда на райпищекомбинате, такой случай. Как-то днем ему говорят:

– Идите на проходную, там человек ждет.

Подошел Асватур Барсегович к проходной и видит, действительно, стоит мужчина, по виду – русский. Вроде бы незнакомый. Смотрят друг на друга, тот спрашивает:

– Не узнаешь, Федя?

– Извини, но нет.

– Ты же Джиликян?

– Да.

– А я – Женя, на войне у вас помкомвзвода был, вспоминаешь?

Ну, тут А. Б. Джиликян и вспомнил, обнялись, расцеловались, нахлынули воспоминания.

Асватур Барсегович рассказывает:

– В феврале 1943 года мы, жители Чалтыря, тогда еще оккупированного немцами, чувствовали, что освобождение недалеко. Во время второй оккупации мы многое пережили, пере-

чувствовали – и голод, и холод, и унижение. Мне и моим сверстникам было по 17-18 лет. Немцы тогда угоняли на работу в Германию. Но нас, слава Богу, не тронули, видимо, молодыми еще считали. Однако работать на себя заставляли, в частности, в Хапрах грузили песок в

бождения Чалтыря. Был среди них и я.

Тогда же, вскоре после освобождения, в районе восстановилась наша власть, заработали организации, учреждения, в том числе – и военкомат. И вот, примерно месяца спустя, 14 марта, нам вручили повестки о призыве.

Килафян, которого не взяли по возрасту, но сам вызвался. Нынче Мартирос Амбарцумович – председатель районного совета ветеранов.

Что же касается меня, то вместе с большой группой чалтырских юношей сначала направили в Азов, на сборный пункт, подучи-

получалось – мы были на чеку.

Вот там-то, на Миус-фронте и произошел с этим самым Евгением памятный случай. Был он помкомвзвода, ранен в щеку, вернулся в строй после выздоровления. Попали мы как-то в передрагу, оказались в окружении

интересовался, жив ли Асватур Джиликян. Ему ответили, что да, работает на пищекомбинате. Так и встретились...

Вообще-то тех ребят, которые были призваны сразу после освобождения района и Чалтыря, в живых уже осталось немного. Кто сложил голову на фронте, кто был ранен, контужен, кто скончался уже в мирные дни. Но все, кому посчастливилось вернуться домой, после войны трудились честно и добросовестно. К примеру, Хачатур Вартересович Пудеян бригадиром был в колагрохозе имени Мясникяна. Добрым словом отзываются о А. Х. Хатламаджияне, Сурене Закаряне и многих других.

Конечно, эти люди многое пережили, видели, но освобождение родной земли и то, как они пошли с оружием в руках защищать ее – один из самых значительных эпизодов в их жизни.

А. ГРИГОРЯН.

В ТЕ ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

железнодорожные вагоны.

Поэтому все мы радовались, когда 14 февраля наши войска, перейдя Мертвый Донец у Синявки, начали освобождать наш район, и 16 февраля вошли в Чалтырь. Это были части тогдашней 44-й армии: 273-й стрелковый полк 347-й стрелковой дивизии. Именно в них воевали потом многие чалтырские юноши 1925-1926 годов рождения, призванные в армию после осво-

Конечно, жалко было оставлять дома в полуразрушенном селе, родителей, стариков, младших братишек и сестреноч. Но мы, хлебнувшие оккупационного лиха, рано повзрослевшие, а фактически – еще только-только вышедшие из подросткового возраста, понимали: надо! Надо и дальше освобождать страну, надо добить врага. Потому осознанно шли в армию. Были и добровольцы: например, М. А.

ли там военному делу – и на фронт. Попал почти в родные места, на Миус, в район села Павловка. Там и находились в боевом охранении, впереди наших траншей, всего в 500 метрах от немцев. Было нас человек 20 – два пэтээровца, я с ручным пулеметом, да еще автоматчики. Немцы, между прочим, каждую ночь в разведку шли, пытались кого-либо из нас выкрасть, “языка” взять, то есть. Но у них не

– на войне всякое случается. Ну, вот, этот Евгений для прорыва отобрал меня, да еще одного парня из Морского Чулека, как местных, знающих округу. Прорваться-то прорвались, да вот незадача – во время боя Евгения вторично ранило в ту же щеку, что и в первый раз! Его, конечно, в санчасть, и более встретиться не довелось. Только в 1990 году, он, будучи в Чалтыре, зашел в военкомат, по-

